

Десятого августа день твоего рождения. В этот год тебе исполнилось бы тридцать, но вот уже семь с половиной лет тебя нет с нами. Я давно не был на кладбище и в этот год, оказавшись по стечению обстоятельств в родном городе, не мог не задержаться на денек-другой, и не сходить на могилку в день твоего рождения. Со мной засобирался сын — девятилетний, аккуратный мальчик, все эти годы воспитывающийся у бабушек и здорово соскучившийся по редко навещающемуся к родительскому гнезду отцу. Тебя он не помнит совсем, меня знает плохо — бывало, не видел по полтора-два года, но узнает сразу и по моему приезду не отходит от меня, то и дело повторяя: «Папа, папа». Мамой он зовет одну из бабушек — мою мать.

— Папа, а можно я сам для молодой мамы цветы выберу? — спрашивает он меня, когда мы приходим на цветочный рынок, и, получив согласие, деловито спрашивает цветочниц:

— Белые розы есть?

Белых роз нет, и мы покупаем красные.

— Ты бывал уже на кладбище, Саша? — задаю я вопрос сыну.

— Был. С мамой один раз и один раз с бабой Шурой, — утвердительно кивает он. — Мы сажали цветы на могилке молодой мамы, а я нарисовал маму в красном платье, и папу-моряка и положил под камушек, но портрет папы унес ветер, а маму размыло дождем.

«О Господи! — задумываюсь я. — Меня действительно носит, словно ветром по свету, а тебя омывает дождем, забрасывает снегом, мимо тебя бегут веселые журчащие ручьи и расцветают цветы на могилке...»

— Когда ты, папа, был моряком, то, проезжая мимо нашего города, увидел на вокзале молодую маму и влюбился в нее, — продолжает говорить сын, и я с интересом слушаю его.

Я никогда не служил на флоте и не ходил на катерах и баржах, но тебя я действительно встретил на вокзале. Ты поджидала поезд, на котором должен был приехать твой приятель, а я со своим приятелем пытался достучаться в двери закрытого ресторана.

Своего приятеля ты не дождалась, а я не достучался в ресторан и потерял своего товарища, но зато мы познакомились. Правда, вначале ты была не в восторге от нашей встречи и мое настойчивое желание познакомиться, приняла настороженно. Даже попыталась убежать. Я же, преследуя тебя, споткнулся в темноте обо что-то лежащее на асфальтовой дорожке, упал и разорвал гачу брюк. Это тебя здорово рассмешило. Так мы познакомились.

— Потом, папа, ты уплыл в море, а мама тебя ждала...

Мне никогда наяву не приходилось видеть море, все больше путешествовал по большим городам, тайге, да степным просторам, но я помню, как мы с тобой собирались к морю, однако этой поездке не суждено было осуществиться...

А фантазия у сына все разыгрывается...

— Корабль, на котором ты плыл, попал в бурю, и его разбило о скалы, а тебя выбросило на остров. Когда буря затихла, ты, папа, построил себе лодку, вместо паруса натянул тельняшку и поплыл обратно, а когда доплыл до берега, мама встречала тебя с цветами.

— А что было потом?

— А потом мама вышла за тебя замуж.

... На кладбище тихо и малоллюдно. За годы моего отсутствия в родном городе, последняя обитель для бранных людских тел, заметно расширилась. То и дело на крестах, памятниках, тумбах я встречаю фотографии знакомых мне ранее людей. Вот одноклассник Володька Рубахин. Боже! Похоронен два года назад!

А вот фронтовик дядя Степан. Всю жизнь он работал вахтером на заводе, любил выпить, и с каждой получки угощал ребятишек дорогими конфетами. А это кто? Неужели первая красавица нашего двора Любка—морковка?! На фото ее и не узнать. Все мальчишки-подростки нашего двора в свое время были влюблены в тебя — веселую и ветреную. Царство тебе Небесное. Спи спокойно. Никто теперь не потревожит тебя...

Вот и твоя могилка. Позолоченная оградка видна издалека. Заходим. Ты внимательно смотришь на нас с фотографии — на возмужавшего мужа и подросткового сына. В первый раз мы вместе пришли к тебе. Ах, Лена, Лена, ты мелькнула в этой жизни вспыхнувшей яркой, но быстро сгоревшей звездой...

Сын аккуратно кладет к памятнику цветы и внимательно рассматривает фотографию.

— Папа, а мама смеется? — спрашивает он меня. — Баба Шура говорит, что да, а тетя Лариса, что нет, не смеется...

— Улыбается, — говорю я.

— И я тете Ларисе сказал, что улыбается. Разве мама не будет улыбаться мне?

... По пути домой сын рассказывает о том, как он ездил с дедом на рыбалку и поймал огро-о-ом-ную, как он говорит, рыбину.

— Как акула. Во какая! — сын разводит руки, как заправский рыбак. Я улыбаюсь и ничего не говорю.

«Боже! Куда еду? Зачем? Куда и кто или что тянет меня снова в дорогу? Подальше от родительского дома, от сына, от матери, от родных и знакомых, от дорогих моему сердцу улиц, дворишков, могил? Куда?»

... На вокзал идут меня провожать мать с Сашей.

— Когда теперь приедешь? — спрашивает мать.

— Даже не знаю, — вздыхаю я. — На следующее лето, наверное...

— А ты возьмешь меня к себе в гости, папа? — задает вопрос сын. — Насовсем я не хочу уезжать от мамы, а в гости бы поехал. Возьмешь?

— Возьму, Саша...

— Правда?

— Правда...

— Мама, папа на следующее лето возьмет меня к себе в гости. Ты меня отпустишь?

— Отпущу, — невесело говорит мать, в ее глазах слезы.

... Поезд медленно отходит от платформы, и мать с сыном машут мне вслед. Я киваю им из окна, грустно улыбаясь и думаю о том, что хорошо, что сын не чувствует себя сиротой.

Пока не чувствует...